

Поверх барьеров^{*} (об одной типологической черте кетского и немецкого языков)

Н. М. Гришина, И. А. Канакин
(Институт филологии СО РАН)

1. Кетский и немецкий — два языка Евразии — разделяют не только тысячи километров, но и отсутствие каких-либо доказательств их генетического родства. Однако это не должно служить барьером для проведения широких типологических сопоставлений, как это было свойственно одному из выдающихся лингвистов XX в. С.Д.Кацнельсону, обладавшему необычайно широким кругозором, глубокой эрудицией, тонкой интуицией и непредвзятым подходом к материалу разносистемных языков.

2. В кетской грамматике существует одна из нерешенных проблем, затрагивающих именную морфологию. Речь идет о наличии категории падежа и об интерпретации так называемых «падежных формантов». В целом не решен вопрос ни о наличии категории падежа, ни о ее объеме и связи с другими грамматическими категориями. Данная проблема представляет несомненный интерес не только как частный вопрос кетской грамматики, но и в общетипологическом аспекте.

3. Интенсивные поиски аналогий с языками другого строя не дали убедительных результатов. Между тем существует нереализованная возможность сопоставления названных явлений с языками, на первый взгляд, далекими как генетически, так и типологически. Речь идет, как это ни кажется странным, о хорошо известном материале германских языков, в частности, немецкого, который обнаруживает в именной морфологии некоторые особенности, заслуживающие определенного внимания.

4. Как известно, имя существительное в немецком языке, как и в других германских языках, изначально характеризовалось тремя категориями: рода, числа, падежа. Из них категориальное значение рода было для каждого имени постоянным, два других — переменными. Значение числа целиком определялось говорящим, в то время как значение падежа было обусловлено исключительно синтаксическим контекстом, а именно было объектом глагольного и предложного управления: *her fragen gistuont joh=em wort=um* 'Он спрашивать стал немногими словами'; *to dero hilti=u* 'к борьбе' [Hildebrandslied]. Все три значения — рода, числа и падежа, — как видно из примеров, выражались флективно, в нерасчлененном виде. В то же время следует заметить, что выражение

---

^{*}Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №06-04-00366а «Исследование и подготовка к изданию кетских фольклорных текстов».

грамматических значений имени существительного никогда не было последовательным ни в одном германском языке. В атрибутивной функции могли выступать как изменяемые, так и неизменяемые части речи. Последние были связаны с именем посредством примыкания, как в современном нем. яз.: *das Fenster links; der Wunsch zu bleiben*. Изменяемые части речи — местоимения (указательные и притяжательные), имена прилагательные и некоторые числительные могли согласовываться с именем существительным, однако это не являлось строго обязательным, ср.: *meine Mutter — Mutter mein; guter Freund — gut Freund; gutes Gewissen — gut Gewissen; ruhiges Blut — ruhig Blut*.

5. В силу отсутствия единой словоизменительной модели в атрибутивной синтагме существовал нежелательный разнобой, который постепенно, хотя и непоследовательно, устранился. В современном немецком языке изменяемые сопроводители выступают только в препозиции к существительному и/или после детерминатива. Значение числа имен существительных по-прежнему зависит от выбора говорящего (следует отметить, многие существительные числа не выражают, и эту функцию берет на себя атрибут). Значение падежа, как прежде, управляется глаголом либо предлогом (хотя также не последовательно, и тем самым формально выражается только атрибутом). Значение рода, как правило, не выражается самим существительным и, таким образом, переносится полностью на атрибут.

6. В кетском языке, в отличие от немецкого языка, никакие атрибуты не изменяются и таким образом не согласуются с именем существительным по роду, числу и падежу. Данные грамматические значения выражаются в трех регулярных (но не всегда обязательных) постпозитивных сопроводителях, напоминающих во многих отношениях немецкий артикль. Несмотря на явные отличия от последнего — постпозиция; неспособность сопровождать имя в роли ближайших актантов; тесная связь категории рода со значением одушевленности/неодушевленности; отсутствие полного функционального и семантического тождества — обращает на себя внимание принципиальное сходство кетских постпозитивных сопроводителей с немецким артиклем и другими детерминативами в следующих отношениях:

1) значение множественного числа в кетской именной синтагме дублируется, как и в немецком языке:

кет.	<i>hybang na=nga</i>	—	нем.	<i>den Söhnen;</i>
	<i>s'en na=nga</i>	—		<i>den Rentieren;</i>

2) кетские постпозитивные сопроводители являются объектом глагольного управления подобно немецкому артиклю:

кет. *hyb danga* (*datavgij*) — нем. (*sie sagte es*) **dem** Sohn;
am dinga (*tkytsivet*) — (*ich gebe es*) **der** Mutter;

3) кетское имя существительное, как и немецкое, своей формой не маркирует значение рода, которое выражается, как правило, постпозитивными сопроводителями у именных ближайших актантов:

кет. *bisep danga* — нем. **dem** Bruder;
bisep dinga — **der** Schwester;
tip bat dangal' (*Abl.*) *dejtolot* — *der Hund ist dem* Alten
entlaufen;
tip bam dingal' (*Abl.*) *dejtolot* — *der Hund ist der* Alten
entlaufen.

Таким образом, очевидно, что кетские постпозитивные именные сопроводители, подобно немецкому артиклю, являются перекрестком двух типов синтаксической связи — согласования (по числу) и управления (родом со стороны имени и падежом со стороны глагола).

4) кроме того, заслуживает внимания еще одна типологическая особенность, а именно способность тех и других выступать самостоятельно в дейктической функции в сфере 3-его лица:

кет. *at danga* (*t*)*tabgij* — нем. *ich habe es dem* gesagt;
at dinga (*t*)*tabgij* — нем. *ich habe es der* gesagt.

Немецкий язык, как известно, занимает особое место среди германских языков. Кетский, в свою очередь, выделяется своим своеобразием среди прочих языков северо-центральной Азии. Проведенные наблюдения позволяют, однако, говорить о наличии одного весьма интересного в типологической плане сходства в сфере именной морфологии данных языков.